

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ СТРОГОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ:

заметки на полях книги

**С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцевой «История как строгая наука vs социально ориентированное историописание»
(Орехово-Зуево, 2013, 252 с.)**

В европейской исторической науке источниковедение традиционно рассматривается как обзор исторических источников, в то время как в России (и в СССР) источниковедение формируется как отдельная дисциплина или, по мнению М. Ф. Румянцевой, субдисциплина, имеющая свой «объект изучения – эмпирическую реальность исторического мира» [4, с. 104].

В свое время О. М. Медушевская поставила проблему гуманитарного знания как знания строгого, т. е. верифицируемого, и связала ее решение с обращением к феноменологической источниковедческой парадигме [3].

Сейчас этот подход разрабатывается авторами, консолидировавшимися на основе сайта Источниковедение.ru [1]. В частности, об источниковедении как основании строгого источниковедческого знания пишут С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева в книге «История как строгая наука vs социально ориентированное историописание».

В центре внимания авторов книги – рассмотрение соотношения научно ориентированной и социально ориентированной («практической», «прагматической», «политической») истории. Не претендуя на всесторонний и детальный анализ всех авторских положений, остановимся лишь на одном из аспектов – источниковедческом. Авторы отмечают, что одной из основных задач современной методологической рефлексии исторического знания является «разработка способов получения точного исторического знания [выделено авторами. – В. И.] при полном понимании его субъективной природы» и, как и О. М. Медушевская, предлагают обратиться к феноменологической концепции источниковедения [2, с. 39], говоря о парадигмальном сближении историографии с

источниковедением в предметном поле интеллектуальной истории [2, с. 72] и далее – о формирующемся предметном поле источниковедения историографии [2, с. 61].

Обратим внимание на некоторые основные идеи авторов. Прежде всего, они отвергают самоценность «введения в научный оборот» новых источников, и как следствие – «приращения нового знания», рассматривая такой подход как проявление (по Тойнби) «индустриализации исторического мышления», базирующегося на убеждении в кумулятивном характере знания [2, с. 60–61]. Ставя во главу угла принцип «признания чужой одушевленности», они рассматривают произведения историков как «реализованный интеллектуальный продукт, результат целенаправленной человеческой деятельности, выступающей в процессе познания как особый феномен» [2, с. 73]. Исходя из этого, авторы предлагают, прежде всего, сосредоточиться на поиске вариантов ответа на вопрос о целеполагании [2, с. 61–63].

Особо следует отметить попытку осмысления основных теоретических положений формирующегося предметного поля. Обосновывая понятие «источниковедение историографии», авторы останавливаются на понимании термина «историографический источник» [2, с. 66]. Поддержав предложенное В. П. Корзун деление на источники «основной группы» (научные труды) и «вспомогательной группы» (источники, позволяющие воссоздать творческую атмосферу, «микроклимат» развития науки) [2, с. 69], С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева сосредотачиваются на особенностях первой группы, которая, по их мнению, наиболее полно соответствует базовому понятию историографического источника. Впрочем, здесь видится определенное противоречие, поскольку авторы поддерживают точку зрения Л. П. Репиной о своевременности и необходимости исследования профессиональной культуры в целом, что выглядит весьма затруднительным при анализе исключительно источников «первой группы» [2, с. 70].

Авторы детально анализируют различные подходы к классификации таких историографических источников, как произведения историков: по жанрам, типам, а также по ряду принципов – классовому происхождению, авторству, видам и т. п. Такое внимание к проблемам классификации они объясняют необходимостью выработки четких критериев, позволяющих выделить научное произведение из ряда других повествований исторического характера [2, с. 70–71]. Более того,

четкое представление о видовых особенностях историографических источников (их «видовая структура») позволяет говорить об определенном типе культуры, к которому принадлежат эти источники.

В свое время Л. Н. Пушкарев говорил о возможности классификации историографических источников в зависимости от целей, которые ставит исследователь. Авторы, отталкиваясь от принципа «признания чужой одушевленности», берут за основу процедуры выделения видовой структуры исторических источников принцип «целеполагания его автора», то есть предлагают классифицировать историографические источники по целеполаганию историка прошлого [2, с. 75], размежовывая, таким образом, виды (монографии, статьи, диссертации, тезисы, рецензии, лекции, учебные пособия и так далее) и группы (по типам исторического знания: научно ориентированное и социально ориентированное) историографических источников, что «позволяет выделять по целеполаганию и структурировать работы историков не по значимости, а рассматривать их как рядоположенные» [выделено авторами. – В. И.]. К сожалению, в работе не даны четкие характеристики обозначенных видов. Авторы ограничились указанием на наличие схожей классификации в библиографии и книговедении, предложив историкам осмыслить конкретную классификационную номенклатуру, в рамках которой определяется то или иное издание [2, с. 76]. Это вызывает ряд вопросов касательно таких видов историографических источников, как, например, публицистика.

В следующих разделах авторы продемонстрировали, как источниковедческий подход позволяет решить задачи историографического порядка. Ими была выбрана методика, предложенная П. Рикёром, когда работа историописателя над конкретным трудом рассматривается как историографическая операция, состоящая из трех фаз: документальной (проблема выбора и критики источников), фазы объяснения / понимания (предполагает рассмотрение подходов к объяснению полученных из источников фактов) и литературной фазы (анализ особенностей обработки исторического дискурса).

Наиболее полно обозначенный подход реализован на примере дискуссии М. В. Ломоносова и Ф. И. Миллера, а также историописательской практики гимназиста В. Демьяновского как «обычного носителя общественного исторического сознания». В первом случае авторы через актуализированный двумя историками источники (М. В. Ломоносов использовал в основном

позднесредневековые московские, украинские и польские сочинения, Ф. И. Миллер – в большей степени, древнерусские летописи и иностранные исторические источники), через дальнейший анализ их источниковедческих процедур (исходя из критерия «полезности» М. В. Ломоносов не всегда критически относился к используемому историческому материалу, в то время как Ф. И. Миллер, придерживающийся критерия «достоверности» применял современные ему приемы критики источников), через различные объяснительные стратегии (М. В. Ломоносов допускал отступления от «буквы» источника, тогда как Ф. И. Миллер требовал точности в восстановлении исторических событий), наконец, через литературную обработку текста (у М. В. Ломоносова риторическая обработка исторического дискурса служила литературным задачам, у Ф. И. Миллера – научным) сделали вывод о принадлежности двух ученых к разным типам историописания. Данная историографическая операция позволила авторам уйти от традиционного понимания дискуссии М. В. Ломоносова и Ф. И. Миллера как спора «норманистов» и «антинорманистов» и рассмотреть ее в контексте принадлежности к разным историописательским практикам. По их мнению, дискурсивная практика Ф. И. Миллера носила научный, а М. В. Ломоносова – социальный характер.

Второй пример связан с конструированием истории «непрофессиональным историком». Речь идет об историческом сочинении выпускника Ставропольской мужской гимназии В. Демьяновского «О Новгородской и Псковской общинах». Применение названной методики позволило детально проанализировать механизм «наивного исторического письма» как проявление социально ориентированного нарратива. Вообще, следует приветствовать разработку именно методов историографического анализа, поскольку в работах историографов по-прежнему господствуют эмоционально-аксиологические оценки, которые сложно отнести к «строгой науке».

В меньшей мере такой анализ представлен в разделе, посвященном локальной истории, что, несомненно, было бы интересно реализовать в дальнейшем.

Таким образом, подводя некоторый итог, можно констатировать, что работа С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцевой стала важной вехой на пути постановки проблемы синтеза историографии и источниковедения и осмысления предметного поля источниковедения историографии, а также разработки методов историографического исследования.

1. *Источниковедение.ru* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ivid.ucoz.ru/>. Доступ – 03.12.2014 г.
2. *Маловичко С. И.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / *С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева.* – Орехово-Зуево : изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
3. *Медушевская О.* Методология истории как строгой науки / *О. Медушевская* // *Пространство и время в науках о человеке: Избранные труды.* – М., 2013. – С. 345–403.
4. *Румянцева М. Ф.* Источниковедение и историография в структуре исторической науке: опыт сравнительного анализа становления дисциплинарности / *М. Ф. Румянцева* // *Харківський історіографічний збірник.* – Х., 2014. – Вип. 13. – С. 97–107.

В. Ю. Иващенко